

ДИСКУССИЯ

ТЕРМИН «ТАТАРО-МОНГОЛЫ/МОНГОЛО-ТАТАРЫ»: ПОНЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЛИ ЭТНИЧЕСКОЕ? ОПЫТ ИСТОЧНИКОВОГО И КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА

Д.М. Исхаков

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
420014, Казань, Российская Федерация
E-mail: monitoring_vkt@mail.ru*

Несмотря на усиление в последние годы внимания исследователей к этническим аспектам процесса формирования на рубеже XII–XIII вв. Великого Монгольского государства, одна из ключевых проблем этого периода, связанная с определением этнической принадлежности татарских и других, связанных с ними кланов, все еще остается дискуссионной. Настоящая статья посвящена анализу данной проблематики с целью выработки более однозначного понимания этнической ситуации в Центральной Азии периода становления там Еке Монгол Улуса. В итоге рассмотрения существующих в историографии подходов относительно этнической номенклатуры, применявшейся монгольскими и китайскими источниками по отношению к расселявшимся в этой зоне тюркским и монгольским группам, автор статьи склоняется к мнению о тюркской этнической принадлежности татар и некоторых других (найманы, меркиты), известных по источникам, кланов, с которыми в ходе формирования «народа монголов» столкнулся Чингиз-хан. При этом устанавливается историческая связь домонгольских татар с Кимакским и Уйгурским каганатами, в том числе выявляется их принадлежность к элитным – «царственным» слоям названных тюркских государств. А это, в свою очередь, позволяет выявить присутствие татарского составного элемента у восточных кыпчаков-кимаков (йемеков), имевших тесные связи с последней династией хорезмшахов. Общий вывод, который следует из материала, подвергнутого детальному и комплексному изучению в поставленном ракурсе, сводится к тому, что необходимо новое понимание термина «монголо-татары», являющегося не навязанным китайскими чиновниками понятием, а содержательным политонимом, маркирующим двусоставной – тюрко (татарско)-монгольский характер государствообразующего «народа» Великой Монгольской империи. В публикации также делается заявка на продолжение данной темы применительно к Улусу Джучи.

Ключевые слова: монголы, монголо-татары, татары, кимаки, уйгуры, найманы, меркиты, средневековая татарская этния, тюрко(татарско)-монгольский период истории.

Для цитирования: Исхаков Д.М. Термин «татаро-монголы/монголо-татары»: понятие политическое или этническое? Опыт источникового и концептуального анализа // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 2. С. 420–442.

Формирование в начале XIII в. Еке Монгол Улуса (Великого Монгольского государства) – самой крупной в мировой истории евразийской империи, созданной кочевниками Центральной Азии, было не только политиче-

ским, но и этнополитическим процессом. Однако, несмотря на это, научный интерес к нему стал расти лишь в последние десятилетия [28; 47; 36; 24; 15; 37]. Подход, когда у новой политики выясняется ее этническая основа, оказался в научном плане достаточно продуктивным, но не без новых проблем. К их числу относится и вопрос о том, как из первоначального «народа монголов» Еке Монгол Улуса, маркируемого в источниках не только как «монголы», но и как «монголо-татары» или даже просто «татары», после распада данного этнополитического объединения, на части его территории – в Улусе Джучи, больше известном как Золотая Орда, за политически доминировавшем там населением окончательно закрепилось наименование «татары», позволяющее относить эту средневековую империю, сыгравшую выдающуюся роль в истории Северной Евразии XIII – сер. XV вв., к числу тюрко-татарских государств. Если иметь в виду, что средневековая татарская этния, сложившаяся в Улусе Джучи, являлась отнюдь не эфемерной, а вполне реальной общностью, продолжавшей существовать не только после деконсолидации Золотой Орды и ликвидации в XVI–XVIII вв. возникшей на ее основе тюрко-татарской государственности, но и позже, беря, тем не менее, начало именно от «народа монголов» или «монголо-татар», существование современных этносов, носящих этнонимы «монголы» и «татары», у которых национальные истории пересекаются как из-за двойной маркировки «народа монголов» уже в период образования Еке Монгол Улуса, так и вследствие правления в Золотой Орде и ее политических наследниках Чингизидов и «татарских» кланов, вопрос о содержании термина «монголо-татары/татаро-монголы», оказывается весьма непростым. Он еще более усложняется тем, что до сих пор не выяснена этническая принадлежность тех татарских кланов, с которыми монгольские племена, переживавшие на рубеже XII–XIII вв. под руководством Чингиз-хана процесс объединения, столкнулись на исторических тюркских территориях. В реальности это была лишь часть «татарского мира», что было прекрасно продемонстрировано Рашид ад-дином [35] и подчеркнуто некоторыми современными исследованиями [22; 23].

В целом же за клубком проблем маркировки политического ядра Великого Монгольского государства не только как «монголов», но и как «татар», скрывается целесообразность нового анализа этнополитической панорамы Центральной Азии предмонгольского времени, позволяющей на концептуальном уровне определить ее новый этап, начавшийся на рубеже XII–XIII вв., не как монгольский, а как тюрко-татарско-монгольский период, более соответствующий данным источников. Именно такое понимание, кстати, было заложено в труде персидского историка Рашид ад-Дина, что исследователями до сих пор осознано не в полной мере.

Содержательное рассмотрение поднимаемых вопросов можно разделить на две группы. К первой следует отнести те из них, которые связаны с установлением этнической принадлежности татарских кланов, к числу которых, в первую очередь, необходимо отнести известные из «Сокровенного сказания» и «Сборника летописей» Рашид ад-дина татарские кланы баркуй (алахуй), дутаут (тутукулуйт), алчи, чаган (чаан), куин и терат [38, с. 62; 35, т. I, кн. 1. с.103]. При этом помня, что часть татар к началу XIII в. обитала уже далеко на западе, в составе уйгуров или по соседству с ними [22; 23].

Ко второй группе относится круг вопросов, имеющих отношение к проблеме кимакско-татарских этнических связей, уже привлечший внимание отдельных исследователей [25; 26], но все еще нуждающийся в дальнейшем изучении, в том числе и из-за необходимости более точного установления этнической принадлежности найманов, меркитов и некоторых других кланов, столкнувшихся с монголами в начальный период становления Еке Монгол Улуса. Наконец, в результате анализа отмеченной выше проблематики возникает возможность иного, чем это было до сих пор, понимания содержания этнических процессов, происходивших в Улусе Джучи в XIII–XIV вв.

Об этнической принадлежности татар Центральной Азии

По поводу этнической принадлежности татар, с которыми воевал Чингизхан и которых он, якобы, уничтожил полностью, мнения исследователей расходятся.

В историографии доминирует взгляд, что эта общность, к началу XIII в. тесно связанная с Китаем и занимавшая территорию восточной Халхи, была монголоязычной [32, с. 89; 25, с. 161–163; 30, с. 14–24; 45, р. 9]. Такое же понимание представлено в научно-популярной литературе [21, с. 32; 29, с. 76; 11, с. 12; 18, с. 123], иногда трактуемом так, что татары были «восточным народом тюркского происхождения, говорившем на монгольском диалекте» [40, с. 121], что предполагает их дальнейшую ассимиляцию монголами. Особой, более сложной разновидностью изложенной позиции, является подход, предложенный Н.Н.Крадином и Т.Д.Скрынниковой в рамках формулирования ими собственной гипотезы причин двойной номинации монголов (мэн/мэнва) как «мэн-да» (монголо-татары) или даже как «да-да», т.е. как «татары». Согласно им, двойная номинация «мэн-да» закрепились из-за того, что переселившиеся из Эргена-Куна монголы, находясь на территории новой родины, где до них жили татары, с которыми они частично смешались благодаря брачным связям (отношения «анда-куда»), чтобы отделить себя от оставшихся на старых территориях сородичей, стали использовать указанный сложный этноним. На формирование этой этнической маркировки повлияла, как они считают, и давняя китайская традиция именования степняков термином «да-да». В итоге двойная идентичность «мэн-да/монголо-татары» стала использоваться монголами не только как внешний маркер (экзоэтноним), но и как термин самоидентификации (эндоэтноним). По мнению этих авторов, в итоге понятия «мэн/мэнва» (монголы) и «да-да» (татары) китайских источников стали обозначать одну и ту же этническую реальность, как впрочем, и парное понятие «мэн-да» [24, с. 148–150; 37, с. 120–121]. Относительно термина «монголо-татары» еще одна гипотеза, в некоторых моментах сходная с трактовкой Н.Н.Крадина и Т.Д.Скрынниковой, но в базовых аспектах все-же от нее отличающаяся, была предложена П.О.Рыкиным. Если говорить об общности объяснительной модели данного исследователя с гипотезой указанных выше двух авторов, то следует отметить, что П.О. Рыкин также исходит из того, что наименование «татары» на все кочевое население Халхи также распространили китайцы, точнее китайские чиновники [36, с. 62]. Но, по его мнению, это было не механическое перенесение этнонима одной этнической группы на другую – а такая точка зрения высказывается даже весьма

вдумчивыми исследователями [30, с. 142] – и даже не следствие межгрупповых браков, о которых данных не так много, а результат попадания монголов в орбиту влияния официальной в Срединной империи классификации народов, но весьма своеобразным путем. Рассматриваемый автор считает, что никаких «изначальных» монголов не существовало, к тому же из-за неясности источников, нет возможности протянуть непрерывную цепочку идентичностей от древних мэнью/мэнва к «народу монголов» эпохи Чингиз-хана. Он также полагает, что «монгольская» идентичность была «сконструирована» лишь в ходе становления Великой Монгольской империи, причем не без участия переметнувшихся к победителям цзиньских чиновников, учитывавших запросы монгольской имперской элиты [36, с. 69, 77]. Как он думает, в ходе «внедрения» монгольской идентичности в умы представителей «народа монголов» потребовалось «покончить» с официальной классификацией цзинцев, привыкших объединять всех степняков под рубрикой «татары», что и было сделано через переименование государствообразующего ядра империи в «монголов». При этом наименование «татары» подлежало ликвидации и потому, что оно ассоциировалась с подчинением Китаю, зависимостью от нее, а это было неприемлемо для имперской элиты формирующегося Еке Монгол Улуса [36, с. 63]. Данный автор в русле именно такого понимания и высказался в том духе, что фигурирующее в некоторых источниках сообщение об «уничтожении» татар на самом деле подразумевает не акт физического их истребления, а смену официальной идентичности степняков, принятой у цзинцев, путем внедрения в нее вместо категории «татары» нового понятия «монголь». Наконец, согласно рассматриваемой трактовке, двойная («сложная /смешанная») форма идентичности «монголо-татары» являлась «переходной» к собственно «монгольской» номинации, поэтому ее следует считать этапом к «интернализации» последней. При этом, будучи связанной с принятой в Китае официальной классификацией народов, категория «татары» не сразу была заменена на новую «туземную», собственно «монгольскую», идентичность [36, с. 71–72].

Таким образом, в составе тех исследователей, которые считают татар представителями монгольязычной общности, существуют достаточно разнообразные объяснения того, как один и тот же этнос получил двойную этническую номинацию. Так как у представителей этой группы монгольязычность татар признается как бы *a priori*, основные их усилия оказываются сосредоточенными не на вопросе об этногенезе татар, а на проблеме функционирования дихтомического этнонима в Еке Монгол Улусе и его политических наследниках.

Другие исследователи склонны считать татар домонгольского периода тюрками [27, с. 172; 1, с. 125–131; 13, с. 10, 19, 20]. В статье известного отечественного тюрколога С.Г. Кляшторного, опубликованной незадолго до его кончины, также содержится косвенное признание возможной тюркской этнической принадлежности татар [22], хотя ранее он этот вопрос предпочитал обходить [23; 19, с. 347–352]. В особенности надо обратить внимание на работу Б.Е. Кумекова (ему затем следовал Л.Р. Кызласов), отметившего значение в определении этнической принадлежности татар таких источников, как «Худуд ал-алам» (X в.), «Диван лугат ат-Турк» Махмуда Кашгари (XI в.) и труд «Зайн ал-ахбар» Гардизи (XI в.). Работа М.И. Ерзина, несмотря на ее

научно-популярный характер, ценна тем, что она, наряду с другими материалами, в научный оборот вводит малоизвестные у нас данные из исследований японского историка Яная Ватари «Изучение татар» (первое издание – в 1931 г., второе – в 1932 г.) и китайского (тайваньского) ученого Ван Говэйя «Изучение татар» (1962 г.), свидетельствующие о тюркской идентичности домонгольских татар.

Чтобы разобраться в том, кто же прав относительно этнической принадлежности домонгольских татар, следует разобраться в системе аргументации отмеченных выше двух групп исследователей, а также рассмотреть источниковую базу, на которой зиждутся их выводы.

При переходе к анализу работ, авторы которых настаивают на монгольской этнической принадлежности татар, следует отбросить те труды, преимущественно популярные, в которых те объявляются «монгольским племенем/народом» априори. Сюда же следует отнести и вышедшую еще в советский период на русском языке «Историю МНР», содержащую бездоказательный пассаж о том, что «южных монголов... называли «белыми татарами» [18, с. 123], как прямо противоречащую источникам. Хорошо известно, что так китайские материалы именовали онгутов-тюрков, этнически связанных с найманами [47, pp. 83–84]. А это, как будет показано далее, весьма важно. А вот подходы, предложенные Н.Н.Крадиным, Т.Д.Скрынниковой, а также П.О.Рыкиным, целесообразно тщательно исследовать, ибо они задают определенную парадигму, характеризующую не только вопрос об этничности татар, но и в целом проблему этнической ситуации в Еке Монгол Улусе начала XIII в.

Начнем с того, что при обращении к источникам небесспорной оказывается ключевое звено построений Н.Н. Крадина и Т.Д. Скрынниковой о двух (на Эргуне-Кун и в пределах так называемого Трехречья – в бассейнах рек Онона, Керулена и Толы) родинах ранних монголов, первая из которых была чисто «монгольской», а вторая «татаро-монгольской» (основательную критику этих авторов по данному пункту см.: [36]).

Все дело в том, что сами источники, рассказывающие о переселении монголов из древней прародины на новые земли, разноречивы – в одном случае в них речь идет о выходе предков из горных теснин [35, т. I, кн. 1, с. 154], в другом – об их переплытии через «море» («Тенгиз») [38, с. 12]. Следовательно, они не слишком надежны, скорее можно говорить не об одномоментном переселении, а о достаточно длительном и постепенном продвижении монгольских кланов в степную зону, что не позволяет принять мнения названных выше авторов относительно того, что монголы использовали маркер «татары» для отделения себя от сородичей, оставшихся на «Эргунэ-Кун». Другим основанием для заключения о миграциях монголов на запад, якобы позволивших им «смешаться» с татарами, являются рассуждения автора «Мэн-да Бей-лу» (1221) китайского чиновника Чжао Хуна, писавшего о двух «монгольских» государствах, «отстоявших друг от друга с востока на запад в общей сложности на несколько тысяч ли», по его мнению, непонятно почему «объединенных под одним именем» как «мэн-гу» («монгольское государство») или «мэн-да» («монгольско-татарское государство») [33, с. 51]. Внимательное чтение источника на самом деле позволяет заметить, что в нем монголы уже путаются с татарами. Скажем, там прямо говорится: «Теперь татары называют себя (выделено нами – Д.И.) Великим монгольским государст-

вом» [Там же]. А раз это так, возникает вопрос: не находились ли татары и до «смыкания» территории их проживания с монголами, в составе уйгуров, до 840 г. живших в бассейне р. Орхон, мигрировав затем частично вместе с ними на запад, где они в X–XI вв. и жили (см.: отмеченные выше работы С.Г. Кляшторного). А так как другая часть их при этом осталась на прежних территориях (там, кстати, осталась и группа уйгуров – см.: [31, с. 53–58]) у китайских чиновников, уже именовавших в XII в. монголов «татарами», появились умозаключения о двух «монгольских» (на самом деле монголо-татарских) государствах, в реальности бывших тюркскими, а не монгольскими, политиями. Монголы, после начала их усиления в связи с создавшимися в XII в. благоприятными внешними условиями, в районе старого политического центра уйгуров – в бассейне р. Орхон и на соседних территориях, столкнулись с этническими их наследниками, среди которых и находились татары, причем, отнюдь не на последних ролях, являясь, скорее всего, как мы еще увидим» «царственной» группой. В данном случае можно привести следующее высказывание Рашид ад-дина: «...Если бы при наличии их многочисленности они (т.е. татары -Д.И.) имели друг с другом единодушие, а не вражду, то другие народы ... не были бы в состоянии противостоять им...Они [уже] в глубокой древности большую часть времени были покорителями и владыками большей части [монгольских] племен и областей, [выдаваясь своим] величием, могуществом и полным почетом» [35, т. I, кн.1, с. 102]. Эта оценка персидского историка вряд ли может относиться к тем татарам, с которыми в 1198 и 1202 гг.сражался Чингиз-хан, так как они, хотя и были достаточно многочисленными, ничуть не превосходили соседних с ними найманов или керейтов. Скорее всего, у Рашид ад-дина подразумевается нечто иное, а именно причастность татар к «царственным» тюркским кланам, в первую очередь – уйгурским, а через них и кимакско-кыпчакским, в свою очередь восходящим к знатным древнетюркским кланам периода Тюркского каганата (об этом более подробно см.ниже). Именно такое происхождение татар, надо полагать, известное и китайцам, позволяло считать их не просто обычным союзом племен, а некоей надклановой общностью, позволяющей им выступать в глазах китайских чиновников не только в роли конкретной политики, но и в роли некоей «обобщающей» категории, синонимичной понятию «тюрки». Следующее место Рашид ад-дина, как думается, свидетельствует именно об этом: «...Из-за [их] чрезвычайного величия и почетного положения другие тюркские роды, при [всем] различии их разрядов и названий, стали известны под их именем, *все назывались* (выделено нами – Д.И.) татарами» [Там же]. Закреплению в Центральной Азии в XII–XIII вв. такого понимания категории «татары» явно способствовало и существование вблизи монголов конкретных татарских кланов, являвшихся реальными носителями «татарскости» и обладавших харизмой.

Что касается концепции П.О. Рыкина относительно процесса формирования монгольской идентичности через её стадийную форму «монголо-татары», то в ней, на наш взгляд, наблюдается чрезмерное увлечение конструктивистским подходом, когда при исследовании хода становления в процессе формирования Великого Монгольского государства новых этнических маркеров, применявшихся для обозначения «народа монголов», главное внимание уделяется чиновничьей классификации народов – что несомненно

должно быть принято во внимание – в ущерб фиксации реальных этнических процессов, в которых участвовали не номенклатурные «категории», а действительно существовавшие этнические (этнополитические) сообщества, в частности, «татары» и «монголы», обладавшие в территориальных рамках формирующегося государства культурно- исторической протяженностью, а также социально-политической значимостью. Думается, что такого рода этнообразования было бы трудно ликвидировать (как и создать) путем простых манипуляций этническими номинациями, вписанными в имперские «категоризации» этнических обозначений. В целом, гипотеза П.О. Рыкина о переходном к собственно «монгольской» идентичности характере номинации «монголо-татары», оказывается под вопросом. Прежде всего, потому, что вопреки мнению этого исследователя, ранняя монгольская этническая общность, являвшаяся носителем собственно монгольской идентичности, все-таки существовала (подробную аргументацию на этот счет см.: [24, 41]). Другое дело, что первоначально она была, вероятно, достаточно локальной, не «перекрывающая» даже все монголоязычные (киданеязычные?) кланы. Во – всяком случае, из источников не видно, что в XII в. монгольской идентичностью обладали кунграты, ойраты и некоторые другие кланы, например, относившиеся к «лесным», племена [36]. Поэтому, формирование в XII – начале XIII вв. монгольской государственности одновременно сопровождалось консолидацией монгольских кланов, у которых постепенно выработались общее самосознание и единый этноним «монгол». Естественно, этому способствовали и «конструктивистские» усилия политической и чиновничьей элиты «Еке Монгол Улуса». Одно из направлений такой деятельности, связанной с внедрением среди монгольских кланов идеи их всеобщего «родства» путем манипулирования генеалогиями, достаточно хорошо обрисовал П.О. Рыкин [36, с. 64–66]. Заметим, что и это сознание «братства» внутри монголов возникло не только через «склеивание» генеалогий, она зиждилась и на реально существовавших обширных брачных контактах Чингизидов из «Алтун урука» с клановой знатю (см.: об распространении этих отношений и на татар: [35, т. I, кн. 1, с. 106]), явно способствовавших выработке общемонгольской идентичности, в первую очередь, среди клановой знати. Другим направлением внедрения монгольской идентичности было прямое государственное принуждение именоваться монголами тех кланов, которые постепенно включались в состав Великого Монгольского государства через завоевание или «добровольное» присоединение. Хотя государственных указов на этот счет не сохранилось, косвенные данные подтверждают сказанное. Например, европеец Гильом де Рубрук отмечает: «..маолы, ныне *хотят уничтожить* (выделено нами – *Д.И.*) это название (татар – *Д.И.*) и возвысить свое» [10, с. 114]. В связи со сказанным приведем и следующее место из Рашид ад-дина, писавшего: «...в настоящее время, вследствие благоденствия Чингиз-хана и его рода, поскольку они суть монголы (так! – *Д.И.*), – [разные] тюркские племена..., из которых каждое имело определенное имя и специальное прозвище, – все они называют себя [тоже] монголами, несмотря на то, что в древности они не признавали этого имени. Их теперешние потомки ... воображают, что они уже издревле относятся к имени монголов и именуются [этим именем]...» [35, т. I, кн. 1, с. 102–103]. То, что в закреплении в Монгольской империи этнонима «монгол» принимали участие и поступившие на услужение к новым влады-

кам бывшие чжурчжэнские чиновники, видно из следующего высказывания южносунского посла Чжао Хуна, побывавшего в г. Пекине в 1221 г.: «Еще [татары] восхищаются монголами (*мэн*) как воинственным народом (государством – *Д.И.*) и поэтому обозначают название династии как «Великое Монгольское государство» (*да мэн-гу го*). [Этому] также научили их бежавшие чжурчжэнские чиновники» [33, с. 537].

Результаты консолидации монгольских племен, достигаемой разными путями (не будем забывать и о том, как Чингиз-хан «перемешал» при создании воинских частей старые кланы), в том числе и «конструктивистским» воздействием политической и чиновничьей элиты империи, к середине XIII в. были налицо. К примеру, Гильом де Рубрук, побывавший в 1253–1255 гг. в Монгольской империи, сообщает, что в ходе его пребывания в ставке сына Бату Сартака, один из чиновников Улуса Джучи сказал Рубруку: «Не говорите, что наш господин (Сартак – *Д.И.*) христианин, он не христианин, а маол». Далее, комментируя нежелание монголов именоваться христианами, Рубрук указывает, что они «желают свое название, т.е. маол, превознести выше всякого имени» [10, с. 112–113]. Но даже из приведенных источников видно, что этноним «монгол» внедрялся не только чиновничьим аппаратом Монгольской империи, существовали и собственно монголы, в т.ч. и среди знати, являвшиеся носителями данного наименования, его отстаивавшие. Кроме того, как видно из Рашид ад-дина, наблюдалось «встречное движение» немонгольских групп, стремившихся маркироваться ставшим престижным этнонимом «монгол» (о причинах см.: [36, с.69]).

Реальная этническая ситуация в Еке Монгол Улус к концу XII – началу XIII вв. была однако такова, что этноним «монгол», как уже отмечалось, был характерен даже не для всех монголоязычных племен [36], не говоря уже о присоединенных к 1206 г. к этой политике тюркских кланов. Ясно, что в таких условиях этноним «монгол» не мог быть единственным маркером, «покрывающим» все формирующееся в рамках Великого Монгольского государства его этнополитическое ядро. К тому же китайские чиновники, по мере включения в состав этого государства северокитайских территорий игравшие в нем все более заметную роль, не способствовали закреплению одного – единственного обозначения этого ядра, так как они привычное для них понятие «татары», использовавшееся в Северном Китае для обозначения северных степняков, распространили и на монголов. На этот счет можно привести ряд примеров, ограничимся двумя. Скажем, южносунские послы Пэн да-я и Сюн Тин, побывавшие в Северном Китае между 1233–1236 гг., население «Великой Монголии» именуют не иначе, как «черными татарами» или просто «татарами» [34]. Уже знакомый нам Чжао Хун, другой южносунский посол, посетивший монголов чуть раньше – в 1220–1221 гг., в своей записи, оставленной после этой поездки, то же самое население предпочитает именовать «татарами», подразделив их на татар «черных» (к ним он отнес Чингиз-хана и всю монгольскую элиту), «белых» и «диких» [33, с. 45–48 и др.].

Хотя в свете последних данных и можно заключить, что этноним «татары» для монголов являлся внешним (экзоэтнонимом) – а подобная точка зрения в литературе распространена (анализ литературы об этом см.: [24, с. 148–152, 200–201, 204; 36; 37, с. 120–125]) – такой вывод представляется ошибочным. Далекое не случайно, что Н.Н. Крадин и Т.Д. Скрынникова, уделившие в

своих исследованиях серьезное внимание проблеме формирования монгольской идентичности, в конце концов пришли к выводу, что двойной маркер «монголо-татары», включающий не только «монгольскую» составную, но и «татарскую», являлся обозначением не одной «внешней идентификации, но и самоидентификации» [24, с. 201; 37, с. 121]. С этим мнением следует согласиться, но в таком случае достаточно остро встает вопрос о причинах закрепления у монголов двойной номинации, не сводимой ни к проблеме двух родин (Т.Д. Скрынникова, исходя из общей с Н.Н. Крадиным концепции даже высказывалась в том духе, что «татарское» составное двойного маркера монголов «угасло» после потери значения старой их родины [37, с. 125]), явно недостаточно фундированной, ни к трактовке П.О. Рыкина о ликвидации «татарской» компоненты двойного маркера монголов, бывшей, по его мнению, переходной к собственно монгольской идентичности, формой, вследствие нежелания монгольской элиты ассоциироваться с зависимыми в прошлом от Китая, татарами [36, с. 63, 71]. Дело в том, что существующие источники говорят об ином. Так, Чжао Хун рассказывает о своей встрече с наместником Чингиз-хана в Северном Китае Мухули, который в разговоре с послом «каждый раз сам называл себя «мы, татары»; все их сановники и командующие [также] называли себя «мы...». <Подозреваю, что [после этого слова] пропущены три иероглифа: «да-да жень»> Они даже не знают (внимание – Д.И.), являются ли монголами и что это за название, что такое название династии» [33, с. 53]. Распространенная трактовка этого места источника – это ссылка на то, что в данном случае монголы, беседующие с китайцем, переходят на характерную для последних номинацию себя (см. подобный комментарий Н.Ц. Мункуева [Там же]). Однако, возможно и иное объяснение самоидентификации гао-вана Мухули и его сподвижников, на что обратили внимание Н.Н. Крадин и Т.Д. Скрынникова [24, с. 149]. Речь идет о том, что хотя Мухули и являлся «подлинным» монголом, участвовавшим в организации «Еке Монгол Улуса» с самого начала, он происходил из клана джалаир (из подразделения джат/чат), т.е. скорее всего, был тюрком. Когда Рашид ад-дин сообщает, что джалаиры служили гур-хану, являвшемуся «государем уйгуров» [35, т. I, кн. 1. с. 93], он тоже явно подразумевает тюркское происхождение клана джалаир. В таком случае, когда Мухули объявляет себя «татаринном», он на самом деле фиксирует свою тюркскую принадлежность. В плане обсуждаемой проблемы интерес представляет и высказывание ещё одного южно-сунского автора – Хуана Дун-фа, в сочинении которого «Гу-цзинь цзи-яо и-пянь», датированном серединой XIII в., есть фраза о том, что в 1211–1212 гг. «татары *присвоили* (так! – Д.И.) их (т.е. монголов – Д.И.) имя и стали называться Великим Монгольским государством» [33, с. 51–52]. Не получается ли так, что монголы к этому времени уже существовали, а татары, являвшиеся совершенно другой этносоциальной общностью, также имевшей собственное «имя», после успехов первых просто стали маркировать себя наименованием более успешной группы? Именно об этом, как мы уже видели, писал Рашид ад-дин. Но проблема в том, что в источниках можно обнаружить и сведения, которые противоречат сказанному выше. В частности, Чжао Хун, после констатации, что «нынешние татары (тут имеются в виду монголы – Д.И.) очень примитивны и дики», добавляет: «[Я], Хун часто спрашивал их [об их прошлом] и узнал, что монголы уже давно истреблены и исчезли» [33, с. 50].

Как же так, вроде бы к 1220-м годом все обстояло как раз наоборот, усилившиеся монголы уже точно не были «истреблены» и не «исчезли», да и татарские кланы ещё не были «поглощены» ими настолько, чтобы усвоить их «имя». Тем более, что «растворению» татар в монголах мешали, по меньшей мере, два обстоятельства. Первое, конечно, это особая функция термина «дада» (татары), по представлениям китайцев, бывшее «более емким и более известным, чем «мэн, манхол», способным по отношению к видовому понятию «монголы» выступать в качестве родового [24, с. 151; 37, с. 120, 122]. Об этом красноречиво свидетельствует приведенный выше пример с подразделением «народа монголов» на «черных», «белых» и «диких» татар, из которых далеко не все были собственно этническими монголами. Второе заключается в том, что после образования «Еке Монгол Улуса», по всем данным, консолидация монголов еще продолжалась, а этноним «монгол» в 1220-х годах не был усвоен всеми монголоязычными группами [36, с. 64], не говоря уже о вошедших в состав государства тюркских группах. Наконец, что особенно важно, понятие «татары» обладало не только престижностью и аурой былого величия, но и являлось «обобщающим» термином, выступая по отношению прежде всего тюркских общностей в роли синонима – маркера понятия «тюрки», при этом имея и реальное этническое содержание из-за существования собственно татарских кланов тюркского происхождения.

Вот на обосновании последнего положения, в связи с его значимостью, следует остановиться подробнее исходя из наблюдений и выводов тех исследователей, которые делают заключение о тюркской этнической принадлежности домонгольских татар.

Прежде всего, следует обратить внимание на мнение Махмуда Кашгари, прямо называвшего татар «одним из тюркских племен» [3, с. 387]. Так как в лингвистических познаниях этого средневекового филолога сомневаться нет оснований, надо еще учесть, что он в своем словаре приводит слово «кат» и указывает на бытование его у татар, а также йемеков, кыпчаков и группы кай, в первых двух случаях точно бывших тюрками [3, 849]. Кроме того, нельзя пройти мимо и того факта, что Махмуд Кашгари помещает татар среди 20 основных тюркских племен [3, с. 69]. Мнение этого автора, жившего во владениях Караханидов, т.е. достаточно близко от уйгуров и тесно с ними связанных западных групп татар [о них детальнее см.: 23], расселенных по соседству с Караханидами, обойти невозможно.

Но безусловному принятию этнолингвистического определения татар, данному Махмудом Кашгари, есть одно препятствие. Дело в том, что в ходе перечисления им групп кай, йабагу, татар и басмыл (йасмыл), отмечается, что они «имеют собственный язык, но вместе с тем хорошо владеют тюркским» [1, с. 70]. Похоже, что у татар тюркский язык был вторым, причем не «собственным». Такое же определение у этого автора есть и по поводу уйгуров – по Махмуду Кашгари язык их «чистый тюркский, а также другой язык, на котором они говорят между собой» [Там же; см. также 27, с. 172]. Хотя такие формулы не оставляют места для однозначного заключения о языке татар, они, тем не менее, не исключают возможности того, что в обоих случаях подразумеваются тюркские языки, но диалектально сильно различающиеся, т.е. в данном случае отличающиеся от «чистого» или «стандартного» тюркского языка. В этой связи приходится напомнить, что имя легендарного предка

«тогуз-огузов», т.е. уйгуров – Огуз-кагана, имело архаическую форму «огур», давшую наименование огурским языкам [29, с. 144], обладавшим, как известно, существенными отличиями от других тюркских языков.

Но все же, сомнения по поводу этноязыковой принадлежности татар, основанных на высказываниях Махмуда Кашгари, остаются. Поэтому, для их преодоления следует привлечь новые источники.

Полагаем, что в этом плане интересна публикация Ю.А. Зуева, расшифровавшего этническую принадлежность известной по китайским источникам еще с древнетюркской эпохи группы *бомо* («пегие лошади»), по тюркски именованной «*хэла*» [*ала-ат*], в документах танского времени известной как *элочжи/гэлочжи* [16]. Рассмотрев этот вопрос, данный исследователь пришел к заключению, что в источниках под кланом *бомо* имеется в виду племя *алачи* (*алач/алчи*), входившее также в состав кыпчаков (*улаш/алаш*). Можно полагать, что названный клан следует отождествить с хорошо известным среди восточных татар племенем алчи/алчын, входившем с союз татар, борющийся с Чингиз-ханом [35, т. I, кн. 1, с. 103].

Тут следует также учесть связь данной группы с кыпчаками, что позволяет представить новые доказательства относительно тюркской этнической принадлежности татар. Так, в литературе уже разбирались сведения персидского анонима «Худуд ал-алам» (982/983) и «Зайн ал-ахбар» Гардизи (сер. XII в.) [25; 26; 27]. Как отметил Б.Е. Кумеков, согласно «Худуд ал-алам» татары являлись частью тогуз-огузов, т.е. уйгур [26, с. 42]. На присутствие татар в X–XI вв. в западных уйгурских княжествах, созданных после падения Уйгурского каганата, как отмечалось, указывали также С.Г. Кляшторный [23] и А.Г. Малявкин [31].

Еще более показательным являются сведения Гардизи, приводящего этногенетическую легенду (текст см.: [25, с. 35–36]) о происхождении кимаков. Согласно ей, некий «начальник татар» по имени «Шад», бежавший от своих сородичей к «большой реке» (Иртышу), положил начало кимакам. К нему затем прибыли еще 7 «родственников татар» (Ими, Имак, Татар, Байандур, Кыпчак, Лнкиаз, Аджляд). Приведенные имена являются эпонимами, отражающими племенной состав Кимакского каганата, в том числе они указывают и на присутствие там по меньшей мере одного клана уйгурского происхождения (*ими*) [25, с. 4, 37–39], подтверждая тем самым наблюдения С.Г. Кляшторного о связях татар с уйгурами в X–XI вв. Нахождение в Кимакской конфедерации клана татар также показательны.

Следует иметь в виду, что фиксация у кимаков «начальника» из татар с титулом «шад» (он присваивался ближайшим родственникам – младшему брату или сыну кагана, фактически его заместителю (см.: [43, р.40]) позволяет говорить о том, что клан татар в Кимакском каганате был одним из правящих, т.е. татары, тут, безусловно, являлись элитной группой [26], что также говорит об их тюркском происхождении.

Наряду с отмеченными выше сведениями эти данные позволяют сделать заключение об изначальной тюркской этнической принадлежности татар.

Вместе с тем, присутствие татар (наряду с уйгурами) в элите Киманского каганата в «татарском вопросе» создает мало осмысленный до сих пор поворот, требующий к себе внимания, что и будет сделано далее.

О татарско-кимакских этнических связях и «татарстве» найманов и других этнических групп

Ещё В.В.Бартольд в своей статье «Татары» обратил внимание на сообщение Джуджани, связанное с походом хорезмшаха Мухаммеда б. Текеша в 1218/1219 г. на кыпчаков, возглавлявшихся Кадыр-ханом б. Юсуфом Татарским [6, с. 559]. В полном виде это место из сочинения Джуджани «Табакат-и Насыри» выглядит так: «В 615 г.х. он (Мухаммед б. Текеш – *Д.И.*) отправился за Кадыр-ханом, являвшемся сыном Юсуфа Татарского, в Туркестан и проник в Туркестан настолько далеко, что [достиг] Уйгура [I-ghur] [он продвинулся] так далеко к северу, что достиг Северного Полюса» [48, v. I, p. 267]. Эта местность хотя и была северная (Джуджани даже говорит о слиянии там дня и ночи), но не настолько отдаленная, ибо нам известно, что именно в ходе этого похода там произошло первое столкновение монголов во главе с Джучи, преследовавших меркитов и найманов, с войсками хорезмшаха [14, с. 250]. Об этом событии мы знаем из разных источников. Так, в «Тайной истории монголов» говорится о преследовании войсками Чингиз-хана меркитов и найманов, первые из которых, после общего их поражения, переправившись через р.Иртыш, «взяли направление в сторону Канлинцев и Кипчаудов» [38, с. 93]. В «Юань ши», также рассказывающем о преследовании Субэдем-бахадуром меркитов, об этом сказано: «Глава их (меркитов – *Д.И.*) обока Хуту (Худу – *Д.И.*) бежал к кипчакам, Субэтай преследовал его и у кипчаков при горной долине Юйюй (Уйгур – *Д.И.*) сразился и разбил его» [11, с.499]. Это же событие у Джувейни передано двумя известиями. В первом рассказывается о том, как глава меркитов Ток-Тоган оказался у предводителя найманов Кучлука, а затем оттуда ушел в «область Кам-Кемчик» (точнее – Кум-Кибчак – *Д.И.*) [12, с. 44]. Во втором, возвратившись к тем же событиям, он отмечает, что Мухаммед б. Текеш «получил известие о бегстве Ток-Тогана» от монголов в «Каракум, место обитания канглы» [12, с. 260]. Приведенные данные весьма важны, так как они позволяют раскрыть этническую принадлежность сообщества, глава которого Кадыр-хан, по отцу был маркирован Джуджани «татарским» предводителем.

Вначале разберемся с «областью», куда бежали меркиты. Как было установлено С.М.Ахинжановым, она находилась где-то в междуречье Кайлы и Кимача, в бассейне р. Иргиз (на границе современной Актюбинской области Казахстана и Оренбургской области РФ). Именно там, как полагает этот исследователь, существовало независимое владение кыпчаков и канглы, не случайно маркированное как «Уйгур» («Югур»). Дело в том, что в этом владении кроме канглы имелись не только йемеки, но и уйгуры, а у самих восточных кыпчаков, т.е. йемеков и канглы, известны даже крупные племенные группы, именовавшиеся *уран/оран*, *алпарлы(илбари)*, *байаут* [14, с. 225–234]. Пожалуй, когда Джуджани, рассказывая о переходе власти в Улусе Джучи от Джучи к его сыну Бату, отмечает, что сына на «место отца» посадил Чингиз-хан, в результате чего под его властью оказались «все земли Туркестана» начиная «от Хорезма», он не зря уточняет, что Бату затем «покорил в этих краях все племена кипчак, канглы, йемек, ильбари» [14, с. 251], ибо речь в данном случае, как мы увидим, идет об ареале проживания восточных или «диких» кыпчаков (детальнее о них см.: [42; 48]). Но чтобы убедиться в этом

нам придется разобраться с личностью Кадыр-хана б. Юсуфа Татарского, что позволит лучше понять особенности этнической ситуации не только на северных границах государства хорезмшахов, но и внутри него.

Вопросом об этнической принадлежности Кадыр-хана занимался С.М.Ахинжанов, поэтому далее мы будем опираться на его наблюдения с определенным их дополнением. Согласно этому исследователю, Кыран (Икран/Акран), имевший мусульманский титул «Кадыр» (Гайр/Гайыр), являлся кыпчакским ханом, известным также как «Кадыр/Кайр-Буку-хан». Его отцом был Алп-Кара Уран (*уран* – название клана), чье имя упоминается в послании предпоследнего хорезмшаха Текеша за 1182 г., в котором речь идет о том, что зимой того года в г.Дженд, где тогда правил его старший сын (ему также подчинялись Сыгнак, Барчинлигкент и Рибат), на переговоры явилось посольство от названного выше кыпчакского предводителя во главе с его сыном Алп-Кара, которого сопровождали «сыновья югуров». В результате последовавших переговоров с хорезмшахом Текешом, тот женился на дочери Алп-Кара Урана (ее звали Теркен-хатун), войдя с ним в союз и это был не первый такого рода союз с кыпчаками, жившими севернее Хорезма – отец хорезмшаха Текеша также был в союзнических отношениях с неназванным в источниках кыпчакским ханом. Далее, в 1195 г. последовал поход хорезмшаха Текеша для подавления восстания кыпчаков окрестностей Сыгнака и Дженда во главе со знакомым нам уже Кадыр-Буку-ханом. В ходе этих событий племянник последнего Алп-Дерек ушел к хорезмшаху, в итоге Кадыр-Буку-хан был разбит, попал в плен и в 1198 г. был приведен в Хорезм. Как полагает С.М. Ахинжанов, названный Алп-Дерек приходился внуком упомянутого выше Алп-Кара Урана, являясь, таким образом, двоюродным братом супруги хорезмшаха Текеша Теркен-хатун. Он же был в 1218 г. тем наместником хорезмшаха Мухаммеда б. Текеша в г.Отраре с титулом «Гайир/Кадыр-хан» и с именем «Инальчук» (это, возможно, титул, ибо «инал» – это наследник, а «инальчук» означает младшего наследника), по чьей вине начался конфликт с Чингиз-ханом, закончившийся известной «отрарской» катастрофой [14, с. 207–218]. Столь детализированная информация нам нужна для того, чтобы разобраться в этнополитической ситуации предмонгольского времени в районе Хорезма.

Если сказать в целом, то следует принять во внимание возможность кыпчакского происхождения последней династии хорезмшахов (она началась с Ануш(Нуш) –Тегина или его сына Кутб ад-Дина Айбека Тюрка, прибывшего к Дженду и Хорезму в конце XI в. «из Сахры», «из среды кыпчаков и канглы» [48, v. I, pp. 232–234]), что привело к обширным связям этой династии с «кыпчакским миром», когда семейно-родственные отношения хорезмшахов с кыпчакскими ханами подкреплялись призывом кыпчаков на службу в армию государства хорезмшахов (фактически из них тут со второй половины XII в. и состояло военное сословие) [14, с. 207]. Но надо отметить, что в данном случае мы имеем дело с восточными кыпчаками – йемеками и другими связанными с ними группами, среди которых имелся этнический уйгурский элемент – не случайно Ануш-Тегина, как отмечает Джуджани, некоторые считали происходящим из уйгурского племени *бегдели* (*бекдали*) [48, v. I, p. 233], хотя в целом отчетливо видна его связь с «племенами кангли и кыпчак» [48, v. I, p. 235]. Теперь на этом фоне мы должны разобраться с этнической принадлежностью последних хорезмшахов.

Теркен-хатун, бывшая матерью последнего хорезмшаха Мухаммеда (ум. в 1199/1200 г.), известная под титулом «Худаванда Джихан» («Принцесса Мира»), являвшаяся дочерью кыпчакского хана Икрана, по одним данным, принадлежала к канглы [12, с. 642; 14, с. 218]. В реальности, ближе к действительности будет принадлежность сородичей Теркен-хатун к клану *уран* – части йемеков, что кроме обозначенного выше родства её с Алп-Кара Ураном видно и из других данных, содержащихся у Джувейни. Например, в ходе похода хорезмшаха Текеша в 1194/1195г. на Кайр-Буку – хана те ураны(оран), которые находились в его армии (их там было много), в решающий момент покинули его войска, явно не желая воевать со своими сородичами [12, с. 215–216]. Или, когда Мухаммед –хорезмшах под натиском монголов уходил в Ирак, «большую часть его войска», как отмечает Джувейни, «составляли тюрки из племени -родственников матери, называемому оран» [12, с. 366]. Рашид ад-дин эту информацию подтверждает, указав, что Мухаммед-хорезмшах ушел в «сопровождении» группы тюрков «из родственников его матери, называемых уранийцы» [35, т. I, кн. 2, с. 209]. Практически эти данные свидетельствуют о принадлежности мощной группы родственников Теркен-хатун (её внук Джелаль ад-дин имел жену из этого же клана, а один из сыновей Джелаль ад-Дина был женат на дочери предводителя канглов [14, с. 209–210]) прежде всего к йемекам, а через них уже к их конкретным ответвлениям (*уран* или *байаут*). На самом деле представители этой элитной группы занимали в государстве хорезмшахов предмонгольского времени ключевые позиции. Скажем, Ибн ал-Асир указывает, что родственники по матери хорезмшаха Мухаммеда «сидели» в Нишапуре, Герате, Хамадане, будучи правителями, приставленными к сыновьям хорезмшаха, владевшими отдельными уделами [17, с. 326, 331–332, 342]. По материалам, извлеченным из «Табакат-и Насыри» Джуджани, видно, что со стороны Арзали-шаха, сына Мухаммеда-хорезмшаха, женатого на дочери Улуг-хана Азама (во время похода монголов тот ушел в начале в Багдад, затем – в Дели, где в конце концов и стал править), в родственную линию хорезмшахов включились и представители клана *ильбари* (альпари / альбарлы), про которых Джуджани сообщает, что «их отцы были важными персонами из рода племени Ильбари, носили титул хана, имели многочисленный клан и зависимых» [48, v. II, pp. 791–820]. Джуджани в конце своего труда про указанного выше Улуг-хана Азама делает следующее замечание: «он [являлся] ханом Ильбари и шахом йемека» [48, v. II, p. 1295].

После того, как была установлена важная роль восточных кыпчаков-йемеков в государстве хорезмшахов при последней их династии, мы можем вернуться к маркировке отца Кадыр-хана Юсуфа как «татарского» предводителя. Однако, прежде следует уточнить, что это «татарство» данной линии знатных кыпчаков-йемеков в разных источниках имеет не совсем одинаковую характеристику. Так, по Джуджани Гайр(Кадр)-Бука-хан, т.е. Кадыр-хан – сын Алп-Кара, из племени уран, являлся «правителем уйгуров» [48, v.I, p. 242]. В то же самое время этот автор называет его и «ханом Кипчака» [48, v. I, p. 242]. В других местах сочинения Джуджани об этом же событии говорится, что Мухаммед-хорезмшах «вторгся в Туркестан преследуя Кадр-хана сына Юсуфа Татарского», когда он «проник до Уйгура Туркестанского» [48, v. I, p. 267] или сообщается, что он «пошел разорять племена Кадыр-хана

Туркестанского, сына Сафактан-и Йемека» [48, v. II, pp. 1096–1097]. Описывая те же события, Рашид ад-дин Кадыр-Буку (у него – «Кайр-Таку») хана называет владетелем «уйгурским» [35, т. I, кн. 2, с. 137].

О чем же все эти несколько разноречивые, но весьма существенные, данные свидетельствуют?

Чтобы разобраться в этом, надо еще раз вернуться к сведениям Гардизи относительно происхождения кимаков. Несмотря на то, что они относятся к раннему времени (к VIII–IX вв.), сама правомерность фиксации татарского происхождения «правлящего дома» кимаков, констатирующее, как отмечает П. Голден, «ключевую роль в формировании кимакского союза» именно этой этнической группы, не подлежит сомнению [44, p. 320]. А так как кыпчаки выделились из среды кимаков, названное «татарское» этническое наследие было характерно и для них, правда, следует принять во внимание неоднородность этнического состава кыпчаков XII–XIII вв. (детальнее об этом см.: [44, pp. 303–332; 46, pp. 296–309; 44, pp. 5–30]), поэтому татарскую идентичность следует искать прежде всего у восточных кыпчаков, в особенности, у потомков йемеков и у связанных с ними этнически канглы. Последние же являлись основным воинским контингентом у хорезмшахов в период монгольского завоевания Средней Азии. В частности, Джувейни отмечает, что покинувший Хорезм в 1220 г. султан Мухаммед-хорезмшах оставил там во главе со своим сыном и военачальниками 90 тыс. «тюрок-канглы» [12, с. 284]. Далее, Джувейни, согласно которому Теркен-хатун и её род принадлежали к «тюрокским племенам, называемым канглы», при описании сражения Джелаль ад-Дина б. Мухаммеда в районе Парвана, указывает, что одно крыло его войска в 40 тыс. чел. состояло из канглы [12, с. 286–288].

Показательно также то, как оценивают этническую принадлежность бежавших к кыпчакам найманов Джуджани и Ибн ал-Асир. Первый из них про Кучлука, предводителя найманов, пишет: «...неожиданно Кучлу-хан Татарский, пришедший из Туркестана, – атаковал гур-хана» (т.е. главу кара-китаев – *Д.И.*) [48, v. I, p. 264]. В другом месте сочинения Джуджани, когда речь идет об этом же событии, тот же «Кашлу-хан-и Санкур» также определяется как «Татар» [48, v. II, p. 935]. Ибн ал-Асир, описывая события, предшествовавшие отмеченным выше, пишет: «...большое племя татар (внимание, речь идет о найманах! – *Д.И.*) в древности вышло из своей страны у границ ас-Сина и поселилось позади страны Туркестана. Между ними и китаями (т.е. кара-китаями – *Д.И.*) была вражда и шла война [и они воевали во главе] со своим царем Кушлу-ханом [с ними]» [17, с. 336]. После того, как войска кара-китаев потерпели поражение, по Ибн ал-Асиру, «хорезмшах [Мухаммед] послал [предложение о союзе] к Кушлу-хану, царю татар» [17, с. 336–339].

На эти данные надо обратить внимание потому, что меркиты и найманы, похоже, бежали к кыпчакам-йемекам и канглы не только из-за близости их территории проживания до земель, населенных восточными кыпчаками, но и благодаря старым этническим связям тюрок (найманы, татары, меркиты, керейты и др.) Монголии с возглавлявшимися элитой татарского происхождения кимаками и канглы, – именно об этом свидетельствуют фиксирующиеся в источниках данные о влиянии уйгуров на кирейтов, найманов, онгутов и джалаиров [20, с. 40]. А так как высока вероятность соответствия уже отмеченного ранее этнонима «уран» (в трактовке С.М. Ахинжанова – «змея») эт-

нониму «кай» с таким же значением на монгольском, то учитывая связь этих групп с кимаками и кунами (подробнее об этом см.: [4]), не удивительна татарская идентичность знати из клана уран – она отражает ее действительно татарское происхождение, восходящее к периоду Кимакского каганата. Заметим, что исследователями признается присутствие в составе кимаков группы уйгурского происхождения, по мнению П.Голдена, проникшей в их состав после падения в 840 г. Уйгурского каганата [44, р. 320]. В этом плане интерес представляет и рассказ из «Чингиз-наме» Утемиша – хаджи, где говорится о том, что после смерти хана Токты (ум. в 1312 г.) некий Баджиртук-Буга из «омака уйгур», являвшемся «элем с многочисленными [и] сильными родами [и] племенами», попытался провозгласить себя ханом, будучи не Чингизидом, а всего лишь аталыком умершего хана [39, с. 103]. Скорее всего, в данном случае мы имеем дело с теми уйгурами, которые были связаны с восточными кыпчаками и входили в состав элитной их части (см. выше сообщение Гардизи), позволившей им предъявить претензии на ханскую власть в Чингизидском владении.

Несмотря на сказанное, П.Голден, исходивший из своей теории о монгольской этноязыковой принадлежности группы *кай* (как и татар), допускал её двуязычие [44, р. 311]. Поэтому, его попытка [43, р. 9; 45; 46, pp. 310–311, 319] оспорить гипотезу С.М.Ахинжанова о тождестве этнических групп *кай* и *уран* не может быть принята. К этой, все ещё остающейся дискуссионной проблеме этнической принадлежности таких групп, как *кай* и *татар*, кроме уже приводившихся сведений следует добавить и одно наблюдение С.Г. Агаджанова, отметившего, что газневидские поэты XI в., описывая гулямов из племени кай, почти всегда рядом с ними упоминают и татар [2, с. 156], что вряд ли случайно: речь идет о родственных, но тюркских этнических образованиях.

Хорошо известно, что в состав Улуса Джучи уже в начальный период его формирования вошла значительная по численности группировка восточных кыпчаков (йемеки/кимаки, канглы и др.), населявшая территорию от Яика на западе до Иртыша на востоке и возглавлявшаяся, как мы видели, элитой татарского происхождения, не забывшей к периоду монгольских завоеваний XIII в. свою этническую принадлежность. Вхождение её в состав «народа» Джучидов могло усилить внутри него татарскую идентичность, что, однако, произошло далеко не сразу, ибо в Улусе Джучи, имелись и носители собственно монгольской идентичности, что было хорошо известно и внешним наблюдателям (см., например: [14, с. 41, 143, 227, 259, 272]). На деле, однако, имелись определенные внутренние предпосылки консолидации татарской идентичности именно в политических рамках Улуса Джучи. Но это самостоятельная тема, которая требует отдельного рассмотрения.

На основе изложенного выше материала можно сформулировать следующие выводы:

1. Многочисленные татарские клановые образования, с которыми монголы столкнулись на рубеже XII–XIII вв. в восточных районах Халхи, имели тюркскую идентичность. Татары также входили в состав правящей элиты Кимакского каганата, имея исторические связи с Уйгурским каганатом и его населением. Впоследствии частично кимаки, с их элитой татарского происхождения, наряду с тесно связанными с ними уйгурами, оказались по сосед-

ству с государством хорезмшахов, последняя династия которых вообще происходила из этой среды, что привело к активному участию восточных кыпчаков-кимаков и канглы, а также их конкретных племен (алпарлы, уран, и др.) в воинском контингенте этого государства как его важное составное.

2. Понятие «монголо-татары» вовсе не является результатом чиновничьей классификации народов, закрепившимся применительно к политически доминировавшему населению Еке Монгол Улуса благодаря китайцам, а было содержательным термином, близким к политониму, отражавшему двусоставной – тюрко-монгольский характер «народа монголов». Из-за того, что эти два этнических ядра данного «народа» в Центральной Азии длительное время сосуществовали, применительно к этому этнополитическому организму источники могли использовать как термин «монголы» (мэн-ва), так и «татары» (да-да), превращающихся в этом случае фактически из этнонимов в политонимы. Но следует подчеркнуть, что понятие «татары» являлось более широким, способным «перекрывать» термин «монголы».

3. В дальнейшем отдельного изучения требует вопрос о том, как в Улусе Джучи, выделившемся из Великого Монгольского государства, вместо понятия «монголы», «монголо-татары» постепенно укрепился термин «татары», ставший в конце концов этнонимом. Предварительно можно сказать, что не в последнюю очередь такая трансформация произошла благодаря значительности в Улусе Джучи тюркского населения, в первую очередь групп, происшедших от кимаков, чья элита была татарского происхождения,

4. Разбор круга вопросов, связанных с трактовкой термина «монголо-татары» позволяет поставить проблему необходимости в дальнейшем маркировки так называемого монгольского периода истории как тюрко (татарско)-монгольского этапа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аблязов К.А.* Историческая судьба татар: в 2-х томах. Т. 1. От племени к нации. Саратов: Научная книга, 2012.
2. *Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад: Изд-во «Бълым», 1969.
3. *Ал-Кашигари Махмуд.* Диван Лугат-ат-Турк. Алматы: Дайк-Пресс, 2005.
4. *Ахинжанов С.М.* Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма Ата: «Наука» Казахская ССР, 1989.
5. *Бартольд В.В.* Двенадцать лекций по истории тюркских народов Средней Азии. Лекция VIII // Бартольд В.В. Работы по истории, филологии тюркских и монгольских народов. Под-ка к изд. С.Г. Кляшторный; отв. ред. А.Н. Кононов. М.: Вост. лит-ра, 2002. С. 116–129.
6. *Бартольд В.В.* Татары // Бартольд В.В. Работы по истории, филологии тюркских и монгольских народов. Под-ка к изд. С.Г. Кляшторный; отв. ред. А.Н. Кононов. М.: Вост. лит-ра, 2002. С. 559–561.
7. *Викторова Л.Л.* Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М.: Изд-во «Наука», гл. ред. «Вост. лит-ра», 1980.
8. *Голден П.* Кыпчаки средневековой Евразии: пример негосударственной адаптации в степи // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского науч. центра СОРАН, 2004. С. 103–110.

9. *Груссе Рено*. Чингисхан. Покоритель Вселенной. 3-е изд. М.: Молодая гвардия, 2007.
10. *Де Рубрук Гильом*. Путешествие в Восточные страны / Плано Карпини Дж. дель. История монголов (3-е изд.) / Гильом де Рубрук. Книга Марко Поло (4-е изд.) / Вступ. ст., коммент. М.Б. Горунга. М.: Мысль, 1997. С. 8–188.
11. *Де Хортог Лео*. Чингисхан Завоеватели мира. М.: Олимп; АСТ; Астрель, 2007.
12. *Джувейни Ата-Мелик*. История Завоевателя мира. М.: Изд. Дом «Магистр-Пресс», 2004.
13. *Ерзин М.И.* Из глубин Евразии: научно-популярное издание / Мунир Ерзин. Алматы: Экономика, 2015.
14. Золотая Орда в источниках. Т. 1. Арабские и персидские источники. М., 2003.
15. *Зориктуев Б.Р.* Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят. М.: Вост. лит-ра, 2011.
16. *Зуев Ю.А.* Из древнетюркской этнонимии по китайским источникам (бомо, гуй, яньмо) // Вопросы истории Казахстана и восточного Туркестана. Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1962. С. 103–122.
17. *Ибн ал-Асир*. Ал-каmil фи-т-тарих (Полный свод истории). Ташкент: Узбекистан, 2006.
18. История Монгольской Народной Республики. М.: Изд-во «Наука», гл. ред. «Вост. лит-ры», 1983.
19. История татар с древнейших времен в семи томах. Т. I. Народы степной Евразии в древности. Казань: Изд-во «Рух Ил», 2006.
20. *Кадырбаев А.Ш.* Очерки истории средневековых уйгуров, джалаилов, найманов и киреитов. Алма-Ата: Рауан, Демеу, 1993.
21. *Кара-Даван Э.* Чингис-хан как полководец и его наследники. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII–XIV вв. Алма-Ата: КРАМД-Ахмед-Яссау, 1992.
22. *Кляшторный С.Г.* Древние государства в Центральной Азии // Золотоордынское обозрение. 2013. № 1. С. 22–35.
23. *Кляшторный С.Г.* Государство татар в Центральной Азии (до Чингизова эпоха) // *Mongolica*. К 750-летию «Сокровенного сказания». М.: Наука, 1993. № 1. С. 139–147.
24. *Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* Империя Чингис-хана. М.: Изд. Фирма «Вост. лит-ра» РАН, 2006.
25. *Кумекоев Е.Б.* Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1972.
26. *Кумекоев Е.Б.* Этнокультурные контакты кыпчаков и татар (по арабо-персидским источникам) // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности. Тез. докл. XXIX сессии Постоянной международной алтаистической конференции (РІАС). Ташкент, сентябрь, 1986. I. История, литература, искусство. М., 1986. С. 39–40.
27. *Кызласов Л.Р.* Ранние монголы (К проблеме истоков средневековой культуры) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия / История и культура Востока Азии. Т. III. Новосибирск: Изд-во «Наука», Сибирское отд., 1975. С. 170–177.
28. *Кычанов Е.И.* Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир: Чингис-хан. Личность и эпоха. М.: Изд. Фирма «Вост. лит-ра» РАН; Школа-Пресс, 1995.
29. *Кычанов Е.И.* История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). 2-е изд. СПб., 2010.
30. *Кычанов Е.И.* Монголы в VI – первой половине XII в. // Дальний Восток и соседние территории в средние века. История и культура Азии. Новосибирск: Изд-во «Наука», Сибирское отделение, 1980. С. 136–148.

31. *Малявкин А.Г.* Китай и уйгуры в 840–848 гг. // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в Средние века / История и культура востока Азии. Т. III. Новосибирск: Изд-во «Наука», Сибирское отд., 1975. С. 62–82.
32. *Мункуев Н.Ц.* Комментарии // Мэн-да Бэй-лу (Полное описание монголо-татар). Факсимиле ксилографа. Перев. с кит., введение, коммент. и прилож. Н.Ц. Мункуева / Памятники Востока. Т. XXVI. М., 1975. С. 87–199.
33. Мэн-да Бэй-лу (Полное описание монголо-татар). Факсимиле ксилографа. Перев. с кит., введение, коммент. и прилож. Н.Ц. Мункуева / Памятники Востока. Т. XXVI. М., 1975.
34. Пэн да-я и Сюй Тина «Краткие сведения о черных татарах» // Проблемы востоковедения. 1960. № 5. С. 133–158.
35. *Рашид ад-дин.* Сборник летописей. Т. I, кн. 1–2. М.: НИЦ «Ладомир», 2002.
36. *Рыкин П.О.* Создание монгольской идентичности: термин «монгол» в эпоху Чингис-хана // Вестник Евразии. М., 2002. № 1 (16). С. 48–85.
37. *Скрынникова Т.Д.* Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. СПб.: Евразия, 2013.
38. Сокровенное сказание монголов. Перевод С.А. Козина. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1990.
39. *Утемиш-хаджи.* Чингис-наме. Факс., перев., транскрип., текст. прим., и исследование В.П. Юдина. Подготовка к изд. Ю.Г. Баранова. Коммент. и указ. М.Х. Абусейтовой. Алма-Ата: Гылым, 1992.
40. *Хоанг Мишель.* Чингисхан / Сер. «След в истории». Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.
41. Юань ши (Официальная хроника династии Юань) // Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. М.: ООО «Издательства АСТ»: ОАО «ВЗОИ», 2004. С. 432–540.
42. *Colden P.B.* Cumanica II. The Ölberli (Olperli): The Fortunes and Misfortunes of a Inner Asian Nomadic Clan // AEMA. Vol. VI. 1986, pp. 5–30.
43. *Golden P.B.* Ethnicity and state formation in pre-Çinggisid Turkic Eurasia. Indiana university, 2001.
44. *Golden P.B.* Studies on Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes. Ed. by Cătălin Hriban. București-Brăila, 2011.
45. *Golden P.B.* Cumanica V: The Basmils and Qipčaks // AEMA. Vol. 15. 2006/2007, pp. 101–118.
46. *Golden P.B.* The Polovci Dikii // Harvard Ukrainian Studies. Vol. III–IV. 1979–190. Part 1, pp. 296–309.
47. *Ratchnevsky P.* Jenghis Han. His Life and Legacy. Translated and ed. by T. Nivison, Haining. Oxford UK, Cambridge: US Blackwell Ltd, 2000.
48. *Tabakat-i Nasiri: A General History of the Muhammadian Dynasties of Asia, Including Hindustan; from a.h. 194 (810 a.d.) to a.h. 658 (1260 a.d.) and the Irruption of the Infidel Mugals into Islam by Maulānā, Minhaj-ud-dīn, Abū-' Umar-i-' Usmān [ibn Sirajal-din al-Jouziani].* Vol. I–II. New Delhi: Oriental Books Reprint Corporation, 1970.

Сведения об авторе: Дамир Мавлявеевич Исаков – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (420014, Казань, Кремль, подъезд 5, Российская Федерация). E-mail: monitoring_vkt@mail.ru

Поступила 07.04.2016 г.
Принята к публикации 07.06.2016 г.

**THE TERM OF THE “TATAR-MONGOLS/MONGOL-TATARS”:
THE ETHNIC OR POLITICAL CONCEPT? AN EXPERIENCE OF
THE SOURCE STUDY AND CONCEPTUAL ANALYSIS**

D.M. Iskhakov

*Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan 420014, Russian Federation
E-mail: monitoring_vkt@mail.ru*

In recent years, researchers have begun to pay greater attention to the ethnic aspects of the Great Mongolian State's formation at the turn of the 12th–13th centuries. However, a key problem of this period still remains controversial. This problem is related to the definition of ethnicity of the Tatar and other kindred clans. This article analyzes the problem in order to achieve a clear understanding of the ethnic situation in Central Asia during the formation of Eke Mongol Ulus. As a result of consideration of historiographical approaches to ethnic nomenclature, which the Mongolian and Chinese sources used with respect to the Turkic and Mongolian groups that settled in this area, the author is inclined to the view of Turkish ethnicity of the Tatars and some other (Naimans, Merkits) clans known by source, whom Chinggis Khan faced in the process of formation of the “people of the Mongols”. At the same time, the author establishes a historical connection between the pre-Mongol Tartars and Kimak and Uyghur khaganates. In particular, he reveals their affiliation to the elite, “royal” layers of these Turkic states. In turn, this allows us to reveal the presence of a Tatar component among the eastern Kipchak-Kimaks (Yemeks) with close ties with the last dynasty of Khwarezm shahs. On the basis of a detailed and comprehensive review of material, the author points to the need for a new understanding of the term “Mongol-Tatars”. This term was not imposed by the Chinese officials, but it was a meaningful politonym marking a two-part (Turkic (Tatar) – Mongol) nature of the “people” who established the Great Mongol Empire. The author informs in his article about his plans to consider in detail this issue in relation to the ulus of Jochi.

Keywords: Mongols, Mongol-Tatars, Tatars, Kimaks, Uighurs, Naimans, Merkits, Medieval Tatar ethnos, Turkic (Tatar) – Mongol period of history.

For citation: Iskhakov D.M. The Term of the “Tatar-Mongols/Mongol-Tatars”: The Ethnic or Political Concept? An Experience of the Source Study and Conceptual Analysis. *Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no. 2, pp. 420–442.

REFERENCES

1. Ablyazov K.A. *Istoricheskaja sud'ba tatar: v 2-h tomah*. Vol. 1. *Ot plemeni k nacii* [The Historical Fate of Tatars: in 2 volumes. Vol. 1. From the Tribe to the Nation]. Saratov, Nauchnaja kniga, 2012. (In Russian).
2. Agadzhanov S.G. *Ocherki istorii oguzov i turkmen Srednej Azii IX–XIII vv.* [Essays on the History of the Oghuz and Turkmens in Central Asia in the 9th–13th centuries]. Ashkhabad, Ylym Publ., 1969. (In Russian).
3. Al-Kashgari Mahmud. *Divan Lugat-at-Turk*. Almaty, Dayk-Press Publ., 2005. (In Turkic).
4. Ahinzhanov S.M. *Kypchaki v istorii srednevekovogo Kazahstana* [Kipchaks in the History of Medieval Kazakhstan]. Alma Ata, Nauka Publ., 1989. Al-Kashgari Mahmud. *Divan Lugat-at-Turk*. Almaty, Dajk-Press Publ., 2005. (In Russian).
5. Bartol'd V.V. Dvenadcat' lekcij po istorii tjurkskih narodov Srednej Azii. Lekcija VIII [Twelve Lectures on the History of the Turkic Peoples of Central Asia. Lecture VIII].

Bartol'd V.V. *Raboty po istorii, filologii tjurkskih i mongol'skih narodov* [Works on History, Philology of Turkic and Mongol Peoples]. Pod-ka k izd. S.G. Kljashtornyj; otv. red. A.N. Kononov. Moscow, Vostochnaja literatura Publ., 2002, pp. 116–129. Al-Kashgari Mahmud. *Divan Lugat-at-Turk*. Almaty, Dajk-Press Publ., 2005. (In Russian).

6. Bartol'd V.V. Tatory [The Tatars]. Bartol'd V.V. *Raboty po istorii, filologii tjurkskih i mongol'skih narodov* [Works on History, Philology of Turkic and Mongol Peoples]. Pod-ka k izd. S.G. Kljashtornyj; otv. red. A.N. Kononov. Moscow, Vostochnaja literatura Publ., 2002, pp. 559–561. Al-Kashgari Mahmud. *Divan Lugat-at-Turk*. Almaty, Dajk-Press Publ., 2005. (In Russian).

7. Viktorova L.L. *Mongoly. Proishozhdenie naroda i istoki kul'utry* [The Mongols. The Origin of the People and Cultural Sources]. Moscow, Nauka, Vostochnaja literatura Publ., 1980. Al-Kashgari Mahmud. *Divan Lugat-at-Turk*. Almaty, Dajk-Press Publ., 2005. (In Russian).

8. Golden P. Kipchaki srednevekovoj Evrazii: primer negosudarvennoj adaptacii v stepi [The Qipchaqs of Medieval Eurasia: An Example of Stateless Adaptation on the Steppe]. *Mongol'skaja imperija i kochevoj mir* [The Mongol Empire and Nomadic World]. Ulan-Ude, Burjatskogo nauch. centra SORAN, 2004, pp. 103–110. Al-Kashgari Mahmud. *Divan Lugat-at-Turk*. Almaty, Dajk-Press Publ., 2005. (In Russian).

9. Grousset R. *Chingishan. Pokoritel' Vselennoj* [Chinggis Khan. Conqueror of the Universe]. 3-e izd. Moscow, Molodaja gvardija, 2007. Al-Kashgari Mahmud. *Divan Lugat-at-Turk*. Almaty, Dajk-Press Publ., 2005. (In Russian).

10. De Rubruk Guillaume. *Puteshestvie v Vostochnye strany* [Journey to the Eastern Countries]. Plano Carpini Giovanni del. *Istorija mongolov* [History of the Mongols]. (3-e izd.). *Kniga Marko Polo* [Book of Marco Polo]. (4-e izd.). Vstup. st., komment. M.B. Gorunga. Moscow, Mysl' Publ., 1997, pp. 8–188. Al-Kashgari Mahmud. *Divan Lugat-at-Turk*. Almaty, Dajk-Press Publ., 2005. (In Russian).

11. De Hartog Leo. *Chingishan Zavoevateli mira* [Chinggis Khan. Conqueror of the World]. Moscow, Olimp; AST; Astrel, 2007. (In Russian).

12. Juvaini Ata-Melik. *Istorija Zavoevatelja mira* [History of the World Conqueror]. Moscow, Ma-gistr-Press Publ., 2004. (In Russian).

13. Erzin M.I. *Iz glubin Evrazii: nauchno-populjarnoe izdanie* [From the Depths of Eurasia: A Popular Scientific Publication]. Munir Erzin. Almaty, Jekonomika, 2015. (In Russian).

14. *Zolotaja Orda v istochnikah*. Vol. 1. *Arabskie i persidskie istochniki* [The Golden Horde in Sources. Vol. 1: Arab and Persian Sources]. Moscow, 2003. (In Russian).

15. Zoriktuev. B.R. *Aktual'nye problemy jetniceskoj istorii mongolov i burjat* [Actual Problems of the Ethnic History of the Mongols and Buryats]. Moscow, Vostochnaja literatura Publ., 2011. (In Russian).

16. Zuev Ju.A. *Iz drevnetjurkskoj jetnonimii po kitajskim istochnikam (bomo, guj, jan'mo)* [From Ancient Turkic Ethnonymics according to the Chinese Sources]. *Voprosy istorii Kazahstana i vostochnogo Turkestana* [Questions of History of Kazakhstan and Eastern Turkestan]. Alma-Ata, Akademiya Nauk Kazakhskoy SSR Publ., 1962, pp. 103–122. (In Russian).

17. Ibn al-Athir. *Al-kamil fi-t-tarih (Polnyj svod istorii)* [Complete Historical Compilation]. Tashkent, Uzbekistan, 2006. (In Russian).

18. *Istorija Mongol'skoj Narodnoj Respubliki* [History of the Mongolian People's Republic]. Moscow, Nauka Publ., 1983. (In Russian).

19. *Istorija tatar s drevnejshih vremen v semi tomah*. T. I. *Narody stepnoj Evrazii v drevnosti* [History of the Tatars from the Most Ancient Times. Vol. I: The Peoples of the Eurasian Steppe in Ancient Times]. Kazan, Ruh II Publ., 2006. (In Russian).

20. Kadyrbaev A.Sh. *Ocherki istorii srednevekovyh ugiurov, dzhalai-rov, najmanov i kireitov* [Essays on the History of Medieval Uighurs, Jalayirs, Naimans and Kerayits]. Alma-Ata, Rauan, Demeu, 1993. (In Russian).

21. Kara-Davan Je. *Chingis-han kak polkovodec i ego nasledniki. Kul'turno-istoricheskij ocherk Mongol'skoj imperii XII–XIV vv.* [Chinggis Khan as a Commander and His Heirs. Cultural and Historical Sketch of the Mongol Empire in the 12th–14th centuries]. Alma-Ata, KRAMD-Ahmed-Jassaua, 1992. (In Russian).
22. Klyashtornyy S.G. Drevnie gosudarstva v Central'noj Azii [The Ancient Tatar States in Central Asia]. *Golden Horde Review*. 2013, no. 1, pp. 22–35. (In Russian).
23. Klyashtornyy S.G. Gosudarstvo tatar v Central'noj Azii (dochingisova jepoha) [The Tatar State in Central Asia (pre-Chinggisid epoch)]. *Mongolica. K 750-letiju «Sokrovennogo skazaniya»* [Mongolica. To the 750th Anniversary of the “Secret History of the Mongols”]. Moscow, Nauka Publ., 1993, no. 1, pp. 139–147. (In Russian).
24. Kradin N.N., Skrynnikova T.D. *Imperija Chingis-hana* [The Empire of Chinggis Khan]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2006. (In Russian).
25. Kumekov E.B. *Gosudarstvo kimakov IX–XI vv. po arabskim istochnikam* [The State of Kimaks of the 9th–11th centuries according to Arab Sources]. Alma-Ata, Nauka Publ., 1972. (In Russian).
26. Kumekov E.B. Jetnokul'turnye kontakty kypchakov i tatar (po arabo-persidskim istochnikam) [Ethno-Cultural Contacts of the Kipchaks and Tatars (according to the Arab-Persian sources)]. *Istoriko-kul'turnye kontakty narodov altaj-skoj jazykovoj obshhnosti. Tez. dokl. XXIX sessii Postojannoj mezhdunarodnoj altaisticheskoy konferencii (PIAC). Tashkent, sentjabr', 1986. I. Istorija, literatura, iskusstvo* [Historical and Cultural Contacts of the Peoples of the Altai Language Community. Abstracts of the XXIX session of the Permanent International Altaistic Conference (PIAC). Tashkent, September, 1986. I. History, Literature, Arts]. Moscow, 1986, pp. 39–40. (In Russian).
27. Kyzlasov L.R. Rannie mongoly (K probleme istokov srednevekovoj kul'tury) [The Early Mongols (on the problem of the origins of medieval culture)]. *Sibir', Central'naja i Vostochnaja Azija / Istorija i kul'tura Vostoka Azii* [Siberia, Central and East Asia / History and Culture of East Asia]. Vol. III. Novosibirsk, Nauka Publ., 1975, pp. 170–177. (In Russian).
28. Kychanov E.I. *Zhizn' Temuchzhina, dumavshego pokorit' mir: Chingis-han. Lichnost' i jepoha* [The Life of Temujin Who Thought to Conquer the World: Chinggis Khan. Personality and Epoch]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., Shkola-Press, 1995. (In Russian).
29. Kychanov E.I. *Istorija prigranichnyh s Kitaem drevnih i srednevekovyh gosudarstv (ot gunnov do man'chzhurov)* [History of Ancient and Medieval States Bordering with China (from the Huns to the Manchus)]. 2-e izd. St. Petersburg, 2010. (In Russian).
30. Kychanov E.I. Mongoly v VI – pervoj polovine XII v. [The Mongols in the 6th – the first half of the 12th centuries]. *Dal'nij Vostok i sosednie territorii v srednie veka. Istorija i kul'tura Azii* [Far East and Neighboring Territories in the Middle Ages. History and Culture of Asia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1980, pp. 136–148. (In Russian).
31. Maljavkin A.G. Kitaj i uigury v 840–848 gg. [China and the Uighurs in 840–848]. *Sibir', Central'naja i Vostochnaja Azija / Istorija i kul'tura Vostoka Azii* [Siberia, Central and East Asia / History and Culture of East Asia]. Vol. III. Novosibirsk, Nauka Publ., Sibirskoe otd., 1975, pp. 62–82. (In Russian).
32. Munkuev N.C. Kommentarii [Comments]. *Mjen-da Bjej-lu (Polnoe opisanie mongolo-tatar)* [Mengda Beilu (Thorough Account of the Mongol-Tartars)]. Faksimile ksilografa. Perv. s kit., vvedenie, komment. i prilozh. N.C. Munkueva. Pamjatniki Vostoka. Vol. XXVI. Moscow, 1975, pp. 87–199. (In Russian).
33. *Mjen-da Bjej-lu (Polnoe opisanie mongolo-tatar)* [Mengda Beilu (Thorough Account of the Mongol-Tartars)]. Faksimile ksilografa. Perv. s kit., vvedenie, komment. i prilozh. N.C. Munkueva. Pamjatniki Vostoka. Vol. XXVI. Moscow, 1975. (In Russian).

34. Pjen da-ja i Sjuj Tina «Kratkie svedenija o chernyh tatarah» [“Brief Information about the Black Tatars”]. *Problemy vostokovedenija* [Issues of Oriental Studies]. 1960, no. 5, pp. 133–158. (In Russian).
35. Rashid al-Din. *Sbornik letopisej* [Compendium of Chronicles]. Vol. I, kn. 1–2. Moscow, NIC «Ladimir» Publ., 2002. (In Russian).
36. Rykin P.O. Sozdanie mongol'skoj identichnosti: termin «mongol» v jepohu Chingis-hana [Creating Mongolian Identity: The Term “Mongol” in the Era of Chinggis Khan]. *Vestnik Evrazii* [Bulletin of Eurasia]. Moscow, 2002, no. 1(16), pp. 48–85. (In Russian).
37. Skrynnikova T.D. *Harizma i vlast' v jepohu Chingis-hana* [Charisma and Power in the Era of Chinggis Khan]. St. Petersburg, Evrazija Publ., 2013. (In Russian).
38. *Sokrovennoe skazanie mongolov* [The Secret History of the Mongols]. Perevod S.A. Kozina. Ulan-Ude, Buryatkoe knizhnoe Publ., 1990. (In Russian).
39. Ötemish Hajji. *Chingis-name*. Faks., perev., transkrip., tekst. prim., i issledovanie V.P. Judina. Podgotovka k izd. Ju.G. Baranova. Komment. i ukaz. M.Kh. Abuseitovoy. Alma-Ata, Gylym Publ., 1992.
40. Hoang Mishel'. *Chingishan*. Ser. «Sled v istorii». Rostov-on-Don, Feniks, 1997. (In Russian).
41. Yuan Shi (Oficial'naja hronika dinastii Juan') [Yuan Shi (the official chronicle of the Yuan Dynasty)]. Khrapachevskiy R.P. *Voennaja derzhava Chingishana* [The Military State of Chinggis Khan]. Moscow, OOO «AST», OAO «VZOI» Publ., 2004, pp. 432–540. (In Russian).
42. Colden P.B. Cumanica II. The Ólberli (Olperli): The Fortunes and Misfortunes of an Inner Asian Nomadic Clan. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Vol. VI. 1986, pp. 5–30.
43. Golden P.B. *Ethnicity and State Formation in pre-Činggisid Turkic Eurasia*. Indiana university, 2001.
44. Golden P.B. *Studies on Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes*. Ed. by Cătălin Hriban. București-Brăila, 2011.
45. Golden P.B. Cumanica V: The Basmils and Qipčaks. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Vol. 15. 2006/2007, pp. 101–118.
46. Golden P.B. The Polovci Dikii. *Harward Ukranian Studies*. Vol III–IV. 1979–1980. Part 1, pp. 296–309.
47. Ratchnevsky P. *Jenghis Han. His Life and Legacy*. Translated and ed. by T. Nivison, Haining. Oxford UK, Cambridge, US Blackwell Ltd, 2000.
48. *Tabakat-i Nasiri: A General History of the Muhammadian Dynasties of Asia, Including Hindustan; from a.h. 194 (810 a.d.) to a.h. 658 (1260 a.d.) and the Irruption of the Infidel Mugals into Islam by Maulānā, Minhaj-ud-dīn, Abū-' Umar-i-' Usmān [ibn Sirajal-din al-Jouziani]*. Vol. I–II. New Delhi, Oriental Books Reprint Corporation, 1970.

About the author: Damir M. Iskhakov – Dr. Sci. (History), Chief Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (5 entrance, Kremlin, Kazan 420014, Russian Federation). E-mail: monitoring_vkt@mail.ru

Received April 7, 2016

Accepted for publication June 7, 2016